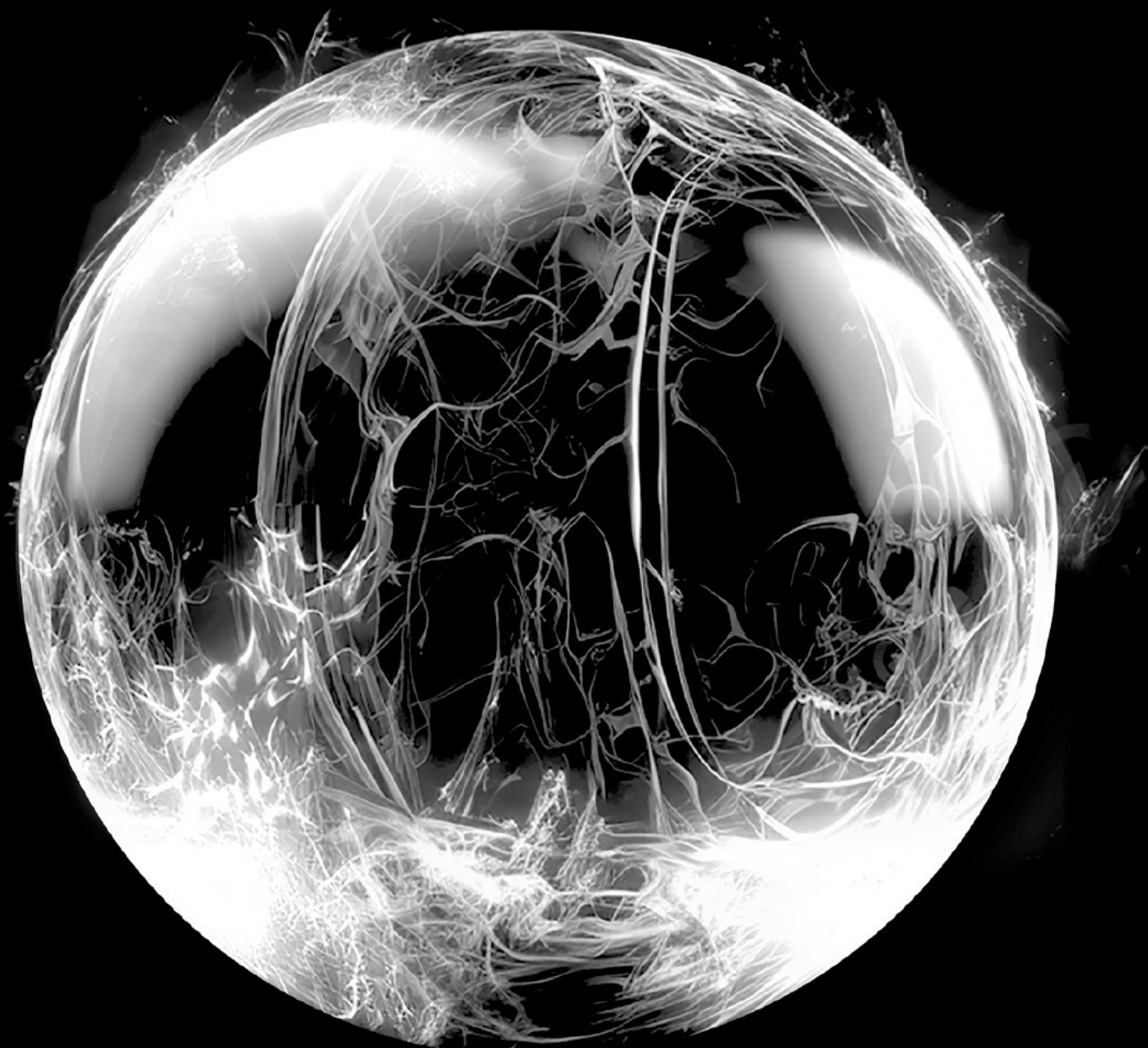

Грэм Харман

Объектно-ориентированная
онтология: новая «теория всего»

Ad Marginem

Грэм Харман

**Объектно-ориентированная
онтология: новая «теория всего»**

«Ад Маргинем Пресс»

2018

УДК 141.3(73)
ББК 87.3(7Сое)6

Харман Г.

Объектно-ориентированная онтология: новая «теория всего» /
Г. Харман — «Ад Маргинем Пресс», 2018

ISBN 978-5-91103-738-3

Книга Грэма Хармана (род. 1968), одной из ключевых фигур в движении «спекулятивного реализма», представляет собой попытку целостного и последовательного изложения его собственного учения, «объектно-ориентированной онтологии». Что такое мир объектов, независимых от человеческого присутствия в мире? Почему искусство жизненно необходимо для занятий философией? Как объекты помогают понять то, что происходит в мире общества и политики? Каково влияние объектно-ориентированной онтологии на архитектуру? Чем, наконец, отличается объектно-ориентированная онтология от других влиятельных течений: археологии знания, генеалогии, деконструкции, акторно-сетевой теории и «нового материализма»? На эти и другие вопросы пытается дать ответы влиятельный американский философ в своем популярном введении в «метафизику объектов». В формате PDF A4 сохранен издательский макет.

УДК 141.3(73)
ББК 87.3(7Сое)6

ISBN 978-5-91103-738-3

© Харман Г., 2018
© Ад Маргинем Пресс, 2018

Содержание

Введение	5
Глава 1	13
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Грэм Харман

Объектно-ориентированная онтология: новая «теория всего»

Введение

Восьмого ноября 2016 года, в тот момент, когда написание этой книги близилось к своему завершению, американские избиратели выбрали погрязшего в скандалах бизнесмена и звезду реалити-шоу Дональда Джона Трампа своим новым президентом. Это удивительное событие случилось, несмотря на сотни противоречивых высказываний самого Трампа во время избирательной кампании, невзирая на многочисленные случаи, когда он эти высказывания категорически отрицал, и на публичные видеозаписи, говорящие об обратном. Действительно, итогом выборов стал шок совершенно небывалых масштабов, сразу же вызвавший невероятное количество реакций со стороны публичных интеллектуалов. Как всегда, одну из самых противоречивых позиций занял словенский философ Славой Жижек. Он продолжал настаивать на своем сделанном во время предвыборной кампании заявлении, что победа Клинтон попросту привела бы к установлению еще более мощной диктатуры неолиберальных посредственностей. Победа же амбициозного харизматика Трампа поможет, по крайней мере, вызвать к жизни новые и удивительные политические коалиции¹. Однако самой распространенной реакцией стали проклятия в адрес победы Трампа, символизирующей собой мир, в котором больше не осталось никакого уважения к истине. Изящную поддержку обвинению оказал «Оксфордский словарь английского языка», который в 2016 году канонизировал в качестве «слова года» «постправду». В словарном определении было записано, что это слово «обозначает обстоятельства, при которых объективные факты оказывают меньшее влияние на формирование общественного мнения, чем обращение к эмоциям и личным убеждениям»². Здесь нельзя не увидеть намек на вполне конкретного новоявленного американского политика.

Если мы примем определение Оксфордского словаря, то лучшим лекарством от нашего предполагаемого состояния постправды должны были бы стать «объективные факты». Состояние постижения объективных фактов часто называют *знанием*, под которым обычно понимают признание истины людьми. Таким образом, знание обычно выступает в паре с истиной. В наше время золотым стандартом знания и истины обычно считаются научные открытия: некогда эта роль принадлежала церковным доктринам, а в будущем ее, вероятно, будут выполнять пока неведомые нам институты. Сказать, что мы сегодня живем в обществе, где господствует производство знания, – значит признать, что успех естественных наук и их технического применения является окончательным критерием того, что считается истиной, а значит, и возможным ключом к противодействию трамповскому «обращению к эмоциям и личным убеждениям». Исходя из подобной точки зрения, лишь знание может заставить демагога умолкнуть, как это представляется в старой левацкой максиме про «высказывание истины в лицо власти». Похожая точка зрения была транслирована за несколько месяцев до выборов астрофизиком Нилом Деграссом Тайсоном, опубликовавшим весьма спорный твит: «Земле нужна виртуальная страна #Рационалия, с Конституцией, состоящей из одной строчки: „Всякая поли-

¹ Slavoj Žižek. The Hillary Clinton Consensus Is Damaging Democracy. – Выходные сведения цитируемых изданий приведены в разделе «Литература» в конце книги.

² «Post-truth» dictionary entry. en.oxforddictionaries.com/definition/post-truth.

тика должна основываться на весомости доказательств“»³. Иными словами, если бы мы могли применить научный метод к политике, то мы, наконец, избавились бы от иррациональных конфликтов между людьми. И более того, мы, вероятно, добились бы такого же прогресса в политике, какого мы достигли в нашем познании материальной природы за четыре века с момента начала «научной революции».

Таким образом, истина и знание предлагаются в качестве противоядия релятивизму (раньше его приписывали левым, но теперь он чувствует себя как дома и у правых), который изобретает любые желаемые им «альтернативные факты», если прибегнуть к ставшей уже печально известной фразе трамповской советницы Келлиэнн Конуэй. Тем не менее почему-то не всегда ясно, где мы должны искать истину и знания, рекомендованные нам в качестве чудесного исцеления. Это особенно очевидно в таких областях, как искусство и архитектура, которые управляются изменяющимися вкусами, а не вычислительными формулами: данное различие, всегда работало на понижение ценности этих областей в глазах публики по сравнению с теми, что производят настоящее знание, такими как наука, инженерное дело или медицина. Также неясно, кто обладает политическим знанием, несмотря на призыв Тайсона к созданию политической организации, базирующейся на рациональных доказательствах. Трудно, к примеру, поверить, что действия необычайно успешных политиков, таких, например, как Авраам Линкольн или Мустафа Кемаль Ататюрк, могут быть низведены до списка шаблонных подсказок, легко повторяемых их последователями. Не всегда также ясно, где именно можно обнаружить научное знание. Во времена интеллектуальных смут научные теории регулярно проверяются и заменяются новыми, а все усилия так называемых «структурных реалистов», утверждающих, что неизменное математическое ядро сохраняется в науке, невзирая на все революции, не выглядят слишком убедительными⁴. Непокосимые истины одной исторической школы отвергаются в другой как буржуазные предрассудки. Инженерные фирмы с репутацией допускают ошибки в расчетах, обрекая на гибель в море сотни людей. На протяжении столетий приверженцы различных религий убивали друг друга миллионами, но также не стоит забывать и о том, что в жестокости с ними успели сравняться Сталин, Пол Пот и прочие атеисты. Противостоять эмоциям и мнениям при помощи истины и знаний было бы проще, если бы мы знали, где их можно раздобыть. И хотя Запад справедливо гордится своей научной традицией, уходящей в глубь веков, в Древнюю Грецию, величайшим интеллектуальным героем этого раннего времени, вероятно, был Сократ (469–399 годы до н. э.), утверждавший, что никакого знания не существует. Действительно, в диалогах Платона мы часто встречаем Сократа, откровенно заявляющего, что он никогда не был ничьим учителем и единственное, что он знает, – это то, что он ничего не знает. Даже знаменитое имя, данное Сократом своей профессии, *philosophia*, означает любовь к мудрости, а не обладание ею. Этот подход в корне отличается от математики и наук, претендующих на обретение мудрости, а не на простую любовь к ней, при том что данное различие игнорируется многими – как внутри самой дисциплины, так и вне ее, – теми, кто толкает философию пойти понятным путем науки.

Предмет лежащей перед вами в данный момент книги – объектно-ориентированная онтология (сокращается как ООО и произносится три раза «О»), относительно новая школа философии, которая верит Сократу на слово. На самом деле никто не обладает ни знанием, ни истиной, и, следовательно, они не могут служить защитой от разложения политики или чего бы то ни было еще. ООО полагает, что настоящая опасность для мысли исходит не от релятивизма, а от *идеализма*, и поэтому лучшее снадобье от того, что причиняет нам страдание, – это не пара «истина – знание» (которую мы в подробностях рассмотрим в главе 4), а *реальность*. Реальность – это скала, о которую всегда разбиваются наши многочисленные корабли, и в этом

³ www.attn.com/stories/9613/neil-degrasse-tysons-latest-political-tweet-backfires.

⁴ James Ladyman & Don Ross. Every Thing Must Go.

качестве ее нужно признать и почитать, какой бы трудноуловимой она ни была. Подобно военачальникам, полагающим, что ни один план сражения не выдержит первого же столкновения с врагом, философы, вместо того чтобы заниматься законодательным закреплением достоверных процедур преодоления мнений и эмоций, должны вспомнить о том, что никакая теория не переживет первого контакта с реальностью. Более того, поскольку реальность всегда радикально отличается от наших формулировок и никогда не является тем, с чем мы сталкиваемся непосредственно и «во плоти», наше приближение к ней должно быть *непрямым*. Это *изъятие* или *удержание* вещей из непосредственного доступа есть центральный принцип ООО. Обычное возражение на этот принцип заключается в жалобе, что он не оставляет нам ничего, кроме одних лишь бесполезных апофатических высказываний о непознаваемой реальности. Возражение это, однако, исходит из того, что существуют лишь две альтернативы: четкие прозаические истинностные высказывания с одной стороны и расплывчатые поэтические жесты куляции с другой. Напротив, я утверждаю, что большая часть познания происходит совсем не в этих двух формах, это становится очевидным из факта существования таких областей, как эстетика, метафора, дизайн, такой всеми порицаемой дисциплины, как риторика, а также самой философии. Как и все предметы из этого списка, философия имеет великую познавательную ценность, не будучи при этом формой знания. Во времена, подобные нашим, сразу же обращающимся к знаниям за лекарством от каждой болезни, философия становится потенциальной подрывной силой с совершенно иной программой человеческого развития, нежели та, что есть у наук. В то же время шарлатанам в политике, как и везде, лучше противостоять не притязаниями на истину, которой на самом деле нет ни у кого, а постоянным требованием смотреть в лицо реальности. То, как мы собираемся обнаружить этот разрыв между знаниями и реальностью, есть одна из главных проблем этой книги.

Едва известная публике еще десять лет назад, объектно-ориентированная онтология в последние годы стала одной из самых провоцирующих по своему влиянию на искусство и гуманитарные науки философских теорий. Жижек подверг ее критике за то, что предлагаемая ею модель не оставляет места человеческому субъекту. Большинство его последователей выступило против ООО единым фронтом⁵. Французский философ Бруно Латур куда более охотно прибегал к заимствованиям из ООО. Он употребил фразу «объектно-ориентированная политика» в своей недавней большой книге о модусах существования⁶. ООО даже была включена изданием ArtReview в рейтинг ста самых влиятельных сил в международном мире искусства⁷. Но, по-видимому, самое значительное ее воздействие на настоящий момент испытала на себе архитектура, дисциплина, известная своей быстрой восприимчивостью к новым философским течениям. По меньшей мере два организатора важных архитектурных конференций публично объявили, что ООО начинает затмевать предшествующее влияние на архитектуру, оказанное такими выдающимися французскими постмодернистскими мыслителями, как Жак Деррида и Жиль Делёз⁸. Одновременно Марк Фостер Гейдж, заместитель декана Архитектурной школы Йельского университета написал, что «причина, по которой ООО <...> интересует архитекторов, состоит в том, что она действует как противоядие не только от делёзианского предположения становления бытию. Если смотреть более широко, она вообще противоположна архитектуре, находящей обоснование не в своих собственных качествах, а в своих отношениях – в своем процессе, внутренней сложности и в контекстуальных взаимосвязях...»⁹. Харизма этой школы успела даже завладеть вниманием знаменитостей из других областей: певица Бьорк

⁵ Slavoj Žižek. Afterword: Objects, Objects Everywhere.

⁶ Bruno Latour. An Enquiry Into Modes of Existence. P. 327, 337.

⁷ artreview.com/power_100/graham_harman.

⁸ Я слышал об этом от декана из Сиракузского университета Майкла Спикса в 2014 году и от Майкла Бенедикта из Техасского университета в 2016 году.

⁹ Mark Foster Gage. Counterpoint: A Hospice for Parametricism.

вступила в переписку с ООО-автором Тимоти Муртоном, а актер Бенедикт Камбербэтч внимал моей лекции в одном из частных лондонских домов в 2014 году¹⁰.

Объектно-ориентированная онтология (также известная как «объектно-ориентированная философия») появилась где-то в конце 1990-х годов, хотя ориентировочно ее обширное влияние началось с первой конференции по этой теме, прошедшей в Технологическом институте Джорджии в Атланте в апреле 2010 года¹¹. Наряду с моими книгами, самые выдающиеся ООО-работы были написаны Йеном Богостом («Единичные операции», «Чужая феноменология»), Тимоти Муртоном («Реалистическая магия», «Гиперобъекты»), а также Леви Р. Брайантом («Демократия объектов»), пока его мысль не приняла несколько иное направление. Как это всегда бывает с древними дисциплинами вроде философии, не все идеи ООО новы, но они используются в новых сочетаниях и применяются к предметам, которыми философы ранее пренебрегали. Некоторые из ее базовых принципов, к подробному рассмотрению которых мы перейдем в следующих главах, таковы: (1) Всем объектам должно быть уделено равное внимание, будь они человеческими, нечеловеческими, природными, культурными, реальными или вымышленными. (2) Объекты не тождественны своим свойствам, но находятся в напряженных с ними отношениях, именно эта напряженность отвечает за всякое происходящее в мире изменение. (3) Объекты бывают только двух видов: *реальные объекты*, которые существуют независимо от того, влияют ли они в данный момент на что-либо еще, и *чувственные объекты*, которые существуют только в отношениях к каким-либо реальным объектам. (4) Реальные объекты не могут быть связаны друг с другом напрямую, но лишь косвенно, через чувственный объект. (5) Свойства объектов опять-таки бывают двух видов: реальные и чувственные. (6) Эти два вида объектов и два вида качеств образуют четыре базовых сочетания, рассматриваемых ООО как начала времени и пространства, а также еще двух тесно с ними связанных терминов, известных как сущность и эйдос. (7) Наконец, ООО считает, что философия, как правило, куда теснее связана с эстетикой, чем с математикой или естествознанием. Хотя некоторые из перечисленных идей могут показаться сложными или даже неправдоподобными, я приложу все усилия, чтобы объяснить их как можно яснее. Я надеюсь, что те, кто прочитает эту книгу до конца, обнаружат, что их взгляду открылся новый замечательный интеллектуальный ландшафт.

ООО вызвала бурную реакцию – как позитивную, так и негативную – в таких областях, как афроамериканские исследования, археология, архитектура, хореография, дизайн, экология, образование, феминизм, история, теория литературы, теория медиа, музыка, политическая теория, психоанализ, социальная теория, теология, теория видеоигр и изобразительные искусства, не говоря уже о самой философии. Сейчас эта широта влияния может показаться привычной мелодией, поскольку многочисленные философские методы, основанные на континентальной (в основном франко-германской) философской традиции, успели основательно проникнуть в англоязычный мир за последние пятьдесят лет. Эти течения часто довольно неточно сваливались в одну общую кучу под названием «постмодернизм» или просто «теория», либо изобличались некоторыми интеллектуалами как всего лишь блестящее мошенничество. В этой связи на ум приходят такие имена, как Жак Лакан, Ролан Барт, Мишель Фуко, Жак Деррида, Люс Иригарей, Славой Жижек, Джудит Батлер, Мартин Хайдеггер и Бруно Латур,

¹⁰ Timothy Morton, Björk Guðmundsdóttir. This Huge Sunlit Abyss from the Future Right There Next To You.

¹¹ Строго говоря, я использовал термин «объектно-ориентированная философия» в своей собственной работе начиная с 1997 года и впервые представил его на суд публики в 1999 году в лекции под названием «Объектно-ориентированная философия», позднее опубликованной в моей книге «По направлению к спекулятивному реализму». В 2009 году Брайант ввел термин «объектно-ориентированная онтология» как часть общей терминологии, способной охватить не только мои собственные, но и иные объектно-ориентированные подходы. Следует отметить, что к этому моменту выражение «объектно-ориентированная онтология» уже было использовано философом Эденом Эвенсом в качестве заголовка статьи (в 2006 году). Однако в статье Эвенса речь шла о последствиях компьютерного программирования для философии, а не о том широком понимании философской онтологии, которое предполагается ООО-движением.

последние двое – мои личные любимчики в этой группе. Но если многие из этих течений утверждают, что реальность – это нечто «сконструированное» человеческим языком, властью или культурными практиками, то ООО есть философия последовательно *реалистическая*. Это означает, среди прочего, что она полагает независимое от человеческого сознания существование внешнего мира. Насколько бы скромно и здраво ни звучал этот тезис, он полностью идет вразрез с духом континентальной философии прошлого столетия и ведет в направлении, удивительно чуждом здравому смыслу.

Даже те читатели, кому ООО пока в новинку, могут быть знакомы с понятием объектно-ориентированных языков программирования, таких как C++ или Java. Чтобы устранить путаницу, я с самого начала должен буду сказать, что между двумя этими областями не существует никакой сущностной связи: ООО просто заимствовала словосочетание «объектно-ориентированная» из информатики и не была напрямую мотивирована достижениями в этой области. Вероятно, какой-нибудь знаток информационно-вычислительных процессов смог бы провести более детальное сравнение между объектно-ориентированным программированием и ООО; пока в этом не было необходимости, поскольку ООО лишь заимствует фразу «объектно-ориентированная» из мира компьютеров, но не ищет вдохновения в подробностях его жизни. Тем не менее существуют некоторые важные черты, общие для словосочетания «объектно-ориентированная» и в компьютерах, и в философии. Программы, написанные на старых языках программирования, представляли собой систематические, холистические сущности, интегрированные всеми своими частями в единое целое, объектно-ориентированные же программы используют независимые программные «объекты», которые взаимодействуют с другими объектами, но при этом внутренняя информация каждого из них остается скрытой (или «инкапсулированной») для остальных. Обладая подобной независимостью своих частей, компьютерные программы больше не требуют написания с нуля, поскольку повсюду и для разных целей можно использовать уже написанные программные объекты, помещая их в новый контекст, но не изменяя их внутренней структуры; иными словами, вместо того чтобы каждый раз создавать новую программу, можно соединять отдельные программные объекты, формируя из них новые наборы под новые задачи – перестраивая их в различных сочетаниях под новые виды использования. Я хотел бы подчеркнуть, что эти объекты непроницаемы не только для пользователя, но и *друг для друга*, по той важной причине, что данная идея чужда истории западной философии. На протяжении столетий целый ряд мыслителей предполагал, что реальность вещей в конечном счете для нас непознаваема: «вещи-в-себе» у Канта, «бытие» у Хайдеггера и «Реальное» у Лакана – вот лишь три примера данной тенденции в интеллектуальной истории. Что отличает ООО от этих течений мысли – но сближает ее с объектно-ориентированным программированием – это идея, что объекты никогда не имеют полного контакта друг с другом, они взаимно соприкасаются не больше, чем с человеческим сознанием. Это ключевой момент, упускаемый большинством из тех, кто обвиняет ООО в отсутствии оригинальности. Приверженность ООО взаимной темноте объектов – вот, что позволяет ей противостоять некоторым модным холистическим философиям нашего времени, утверждающим, что все определяется исключительно своими отношениями и что мир есть не более чем тотальная система этих отношений. В пику подобным теориям ООО защищает идею, что объекты – реальные, вымышленные, естественные, искусственные, человеческие либо нечеловеческие – автономны относительно друг друга и вступают в отношения лишь по особым случаям, которые нужно объяснять, а не принимать как должное. Технический способ выразить данный тезис – это сказать, что все объекты взаимно «изъятые», скрыты друг от друга, – термин, заимствованный у Хайдеггера (1889–1976)¹². В противоположность установкам здравого

¹² Martin Heidegger. Being and Time. Рус. пер.: Хайдеггер М. Бытие и время.

смысла, объекты не могут вступать друг с другом в *прямой* контакт, но нуждаются в третьем термине или медиаторе для того, чтобы такой контакт все же произошел.

Обсудив «объектно-ориентированную» часть ООО, обратимся теперь к третьей О в ее имени, означающей онтологию. Здесь прежнее отношение заимствования переворачивается: если философия заимствовала фразу «объектно-ориентированная» из информатики, то последняя заимствовала термин «онтология» из философии. В философии термины «онтология» и «метафизика» настолько близки, что некоторые (включая и автора этой книги) предпочитают использовать их как синонимы. Оба они обозначают ту часть философии, что занята изучением устройства реальности как таковой, а не специфическими областями, которыми занимаются этика, политическая философия или философия искусства. Общепринятая история слова «метафизика» гласит, что оно было введено в оборот античными редакторами работ Аристотеля (384–322 годы до н. э.). Аристотель был одним из корифеев-основателей естествознания не в меньшей степени, чем философии, и его «Физика» дает нам детальное описание функционирования природы. Наряду с «Физикой» Аристотель написал еще одну работу по философским проблемам, лежащим вне или же за пределами вопросов природы: например, как отдельные вещи (или «субстанции») поддерживают свои меняющиеся качества (или «акциденции»), а также о роли Бога в устройстве космоса. Говорят, что его редакторы, не будучи уверены в том, какое дать название этим трудным сочинениям, просто поместили их в собрании текстов «после „Физики“», именно поэтому они стали известны как «Метафизика», или сочинения после «Физики». Но в древнегреческом языке предлог «мета» также может означать «по ту сторону», и поэтому метафизика повсеместно стала пониматься как дисциплина, выходящая «по ту сторону» физического мира. В континентальной традиции после Хайдеггера и Деррида (1930–2004) термин «метафизика» употребляется в резко негативном смысле, когда есть необходимость обвинить оппонента в том, что он исповедует философию того наивного типа, который, по мнению этих мыслителей, был характерен для Запада еще со времен Платона. Что касается онтологии, то, хотя некоторые философы и тратят значительное количество своей энергии на интерпретацию смысла греческих слов *ontos* и *logos*, нам достаточно будет сказать, что онтология означает нечто вроде «исследования бытия». Исходя из этого, мы можем сказать, что онтология появилась довольно рано в греческой философии и еще раньше – в Индии. Тем не менее само слово «онтология» не было явным образом введено в оборот вплоть до 1613 года, что, по меркам такой медленно движущейся сферы деятельности, как философия, – практически вчера. По сравнению с «метафизикой», «онтология» считается куда более уважаемым термином, более строгим и менее нагруженным историческим или мистическим багажом. Но в данной книге, как и в других моих текстах, я не стану следовать традиции уничижительного употребления «метафизики», так как не вижу достаточных причин разрушать заслуженный термин из арсенала классической философии. Поэтому, по сути дела, я буду использовать метафизику и онтологию как синонимы, позволяющие избежать повторяемости и дающие тем самым нам в руки важный стилистический ресурс, чтобы чересчур быстро не утомлять читателя.

К тому моменту, когда вы закончите чтение этой книги, я надеюсь, что смогу разъяснить базовые концепты ООО настолько ясно, насколько это возможно, и передать свои доводы в пользу вдохновения от данного стиля философствования. Модель, которая у меня была в голове при написании данной книги, – это «Введение в психоанализ», лекции, прочитанные Фрейдом перед широкой венской публикой во время Первой мировой войны. Кто бы что ни думал о психологических теориях Фрейда, он – бесспорный мастер буквального изложения трудных идей и заслуживает равнения на себя хотя бы в этом отношении. Фрейд в своей прекрасно выверенной вводной книге начинает с объяснения оговорок, переходит к толкованию сновидений, а затем уже продолжает теорией неврозов. Мой метод в этой книге будет похожим: мы начнем с простейших аспектов ООО, а затем перейдем к более сложным деталям.

Глава 1 («Новая теория всего») вводит понятие объектов, которые, согласно ООО, бывают двух типов: *реальные* и *чувственные*. Я также собираюсь выяснить, что, по мнению ООО, пошло не так в современной философии со времен Рене Декарта (1596–1650) и особенно Канта (1724–1804), хотя в некотором отношении Кант выступает для ООО важным предшественником.

Глава 2 («Эстетика – корень всякой философии») объясняет, почему у философии гораздо меньше, чем обычно принято считать, общего с наукой и гораздо больше – с искусствами. Здесь мы касаемся ключевой когнитивной роли *метафоры*, которую я полагаю для философии более важной, чем дискурсивные пропозициональные высказывания, такие как «кот сидит на коврике», «золото – желтый металл» или «вода закипает при ста градусах по Цельсию», так часто заимствуемые философами в качестве моделей для своих теорий.

Глава 3 («Общество и политика») рассматривает вытекающие из ООО следствия для этих областей. Предлагается некоторое объяснение акторно-сетевой теории Латура, поскольку ООО серьезно отличается от этой влиятельной школы в вопросах социальной теории, соглашаясь с ней при этом во многих ее открытиях, касающихся политики¹³. В социальной теории ООО больше интересуется внутренней природой вещей, чем их действиями. Она утверждает, что число происходящих с объектом важных событий ограничивается примерно полудюжиной, к тому моменту как он достигает расцвета, созревает, входит в стадию упадка и гибели. В политике ООО избегает существующей с момента Французской революции поляризации политического дискурса на левое и правое. Вместо этого она сосредотачивается на различии между политикой истины и политикой власти, каждая из которых нуждается в замещении. Также ООО следует открытию акторно-сетевой теории, состоящему в том, что нечеловеческие сущности играют важнейшую роль в деле стабилизации политики у людей.

В Главе 4 («Непрямые отношения») я показываю, почему взаимодействие между объектами, кажущееся одной из наиболее очевидных вещей повседневного мира, куда парадоксальнее, чем кажется на первый взгляд. Существует давняя, однако частично забытая традиция серьезного отношения к данной проблеме: сначала среди арабских и европейских окказионалистов Средневековья и раннего Нового времени, а позже у Канта и важного шотландского философа Дэвида Юма (1711–1776). Я предполагаю, что все эти знаменитые фигуры опираются на одинаково неверные предположения о действиях причинности. Этот тезис подталкивает нас к более широкому обсуждению четверичной структуры объектов, служащей одной из методологических опор ООО. Там же я задаюсь вопросом о том, что останется от знания после отказа ООО от буквализма и прямого доступа к реальности. Поскольку во второй главе я уже утверждал, что философия имеет больше общего с искусствами, чем с науками, то могут последовать недовольные возражения (и уже последовали), что ООО «эстетизирует» философию, тем самым поддерживая у нас скептический настрой по отношению к возможности любого настоящего знания. Однако мы увидим, что ООО просто отвергает идею знания как непосредственного присутствия самой реальности и совсем не пренебрегает знанием *per se*.

В Главе 5 («Объектно-ориентированная онтология и ее соперники») я попытаюсь далее прояснить природу ООО, проведя различие между ее подходом к объектам и взглядами двух, вероятно, наиболее влиятельных французских мыслителей последних пятидесяти лет: Деррида и Фуко. Никто из них не выказал объектам того почтения, которого требует сама ООО.

Глава 6 («Различные подходы к объектно-ориентированной онтологии») обсуждает ключевых авторов, работающих в настоящий момент с ООО: Иена Богоста, Леви Р. Брайанта и Тимоти Мортон. Также в ней обсуждаются двое попутчиков. Они стоят рядом с ООО, но не

¹³ *Graham Harman. Immaterialism: Objects and Social Theory, а также Bruno Latour: Reassembling the Political.* Рус. пер.: Харман Г. Имматериализм.

полностью принимают ее предпосылки или методы: Джейн Беннетт и Тристан Гарсиа¹⁴. Наконец, я вкратце рассмотрю работу некоторых молодых архитекторов и теоретиков архитектуры, убедительно рассуждавших о роли ООО в своей дисциплине: Марка Фостера Гейджа, Эрика Геноу, Дэвида Руя и Тома Вискомба¹⁵.

Глава 7 («Объектно-ориентированная онтология: общий обзор») завершается подведением итогов и формулировкой направляющих принципов движения.

При написании этой книги я руководствовался двумя главными целями. Во-первых, каждый читатель, планирующий дочитать ее до конца, должен будет понять ООО так же, как и любой другой, за исключением нескольких опытных ветеранов. Во-вторых, чтение этой книги должно быть как можно более приятным. Я уже давно считаю, что раз уж существует так много книг, которые можно прочитать, и так много всего, что можно сделать, помимо чтения книг, то задача сделать это занятие интереснее всех прочих вариантов всегда лежит на авторе. Я бы сгорел со стыда, если бы гостям на моей домашней вечеринке было скучно, не говоря уже о тысячах моих читателей, добросовестно потративших на эту книгу время и деньги.

В заключение я бы хотел поблагодарить Ананду Пеллерин и Томаса Пенна из издательства «Пингвин», совместно уговоривших меня написать эту книжку. Джейн Бердселл, также из «Пингвина», выловила дюжины ошибок, которые, как я, к своему ужасу, обнаружил, все еще скрывались в рукописи моего текста, и сделала немало стилистических исправлений. Решая, как структурировать свои главы, я позаимствовал немало хорошего из некоторых книг, уже опубликованных в серии *Pelican Introductions*, в том числе (но не только) из «Эволюции человека» Робина Данбара и «Как устроена экономика» Ха Джун Чхана. Весьма наглядные диаграммы были придуманы почетным профессором Портлендского государственного университета Майклом Флауэром, уже помогавшим мне с ними в прошлом.

¹⁴ Jane Bennett. *Vibrant Matter*; Tristan Garcia. *Form and Object*. Рус. пер.: *Беннетт Джс. Пульсирующая материя*.

¹⁵ Mark Foster Gage. *Counterpoint: A Hospice for Parametricism*; Erik Ghenoju. *The World Is Not Enough*; David Ruy. *Returning to (Strange) Objects*; Tom Wiscombe. *Discreteness, or Towards a Flat Ontology of Architecture*.

Глава 1

Новая теория всего

Мало какая из интеллектуальных тем последних десятилетий так занимала воображение публики, как поиск физикой так называемой «теории всего». Один из самых известных авторов этого направления – Брайан Грин из Колумбийского университета, считающий популярную в настоящее время «теорию струн» лучшим из существующих кандидатов на роль теории, объясняющей состав материи и устройство космоса. Как он пишет в одном из своих ярких бестселлеров, «если вы <...> верите, что мы не должны останавливаться до тех пор, пока у нас не будет теории с неограниченной областью применения, тогда теория струн – ваша единственная надежда»¹⁶. Стремление физики к объединению уже подарило человечеству некоторые героические моменты истории. В начале XVII века Галилей продемонстрировал ложность древних представлений о том, что существует одна физика для вечных тел на небе и совершенно другая физика для испорченных и распадающихся вещей здесь, на Земле; вместо этого он показал, что одна общая физика управляет всеми частями Вселенной. Так был проложен путь к еще более решающему объединению, провозглашенному в 1687 году сэром Исааком Ньютоном в его «Математических началах натуральной философии». В этом историко-научном шедевре Ньютон доказал, что движением небесных тел и падением объектов на землю управляет одна и та же сила, известная сегодня под названием гравитации. В 1860-х годах Джеймс Клерк Максвелл смог объединить разрозненные ранее силы электричества и магнетизма, установив далее, что световые и электромагнитные взаимодействия происходят с одинаковой скоростью, и не без оснований предположил, что свет есть просто еще одно проявление той же самой силы. В начале XX века квантовая теория объединила различные явления тепла, света и движения атомов, объяснив, что они происходят в форме дискретных скачков, а не непрерывного увеличения или уменьшения. В конечном итоге были признаны четыре силы природы: гравитация, электромагнетизм, сильное ядерное взаимодействие (то, что удерживает атомы вместе) и слабое ядерное взаимодействие (то, что управляет радиоактивным распадом). В 1979 году Нобелевская премия по физике отправилась к Шелдону Ли Глэшоу, Абдусу Саламу и Стивену Вайнбергу за их объединенную теорию «электрослабого» взаимодействия, тогда как сильные взаимодействия примерно в то же время были объяснены в рамках КХД, или квантовой хромодинамики. К середине 1970-х наука обрела стандартную модель физики элементарных частиц, получившую относительное завершение в 2012 году вместе с предполагаемым открытием бозона Хиггса в женеvской CERN. Одной из остающихся проблем стандартной модели является ее неспособность объединить гравитацию с электромагнетизмом, а также с сильным и слабым взаимодействием. Поиск работающей теории «квантовой гравитации» продолжается и по сей день, и наряду с открытием астрономами до сих пор необъяснимых темной материи и темной энергии, поиск квантовой гравитации является одним из наиболее вероятных триггеров следующей революции в физике.

Тема единых теорий столь захватывающа, что физики даже создали небольшую индустрию популярных, легко читающихся книг, к числу наиболее выдающихся принадлежит и «Эlegantная Вселенная» Грина. В данный момент я, несомненно, согласен с ним в том, что «мы не должны останавливаться до тех пор, пока у нас не будет теории с неограниченной областью применения». Пункт, относительно которого я не согласен с ним, прозвучит удивительно в нынешнем интеллектуальном климате: я не считаю, что физика, или даже естественные науки в целом, есть то место, в котором мы сможем найти такую объединенную теорию.

¹⁶ Brian Greene. The Elegant Universe. P. 211. Рус. пер.: Грин Б. Elegantная Вселенная. С. 144.

Мне кажется, что «теория с неограниченной областью применения» может быть обнаружена в философии, а особенно в той ее разновидности, что называется объектно-ориентированной онтологией (ООО). Поскольку я не могу быть уверен в том, что Грин буквально думает о том, что объединенная теория физики могла бы автоматически стать теорией всего на свете, – я придумую вымышленного ученого по имени «Брайана Брауни», которая без околичностей полагает, что физика в принципе может объяснить все. Хотя быстрое развитие современной физики стало одной из самых обнадеживающих глав в истории человечества, я считаю, что данная область исключает слишком многое, чтобы после этого дать нам теорию всего. Рассмотрим различные предположения, лежащие в основе утверждения «Брауни» о том, что физика (и, в частности, теория струн) имеет неограниченную область применения.

Теория струн является далеко не единственным кандидатом на роль «теории всего», однако остается самым популярным из них, а для многих и самым многообещающим. В той или иной форме эта теория существует с 1960-х годов, но особенно актуальной она стала два десятилетия спустя; я до сих пор помню появившиеся в 1984 году первые газетные статьи о «суперструнах», которые я читал, будучи еще восхищенным старшеклассником. Теория струн полагает, что вещество состоит из вибрирующих одномерных струн, скручивающихся в десяти измерениях, а не в четырех измерениях пространства-времени эйнштейновской физики. В так называемой «М-теории», модификации струнного ландшафта, разработанной Эдвардом Виттенем в 1995 году, общее число измерений выросло до одиннадцати. Из теории можно получить массу прекрасных математических и физических результатов, включая возможное объяснение вечно ускользающей квантовой гравитации, означающей теорию силы тяжести, которую можно бы объяснить с точки зрения квантовой механики, как это уже было проделано с электромагнетизмом, а также сильным и слабым взаимодействиями. Тем не менее в XXI веке возникла негативная реакция на теорию струн, что видно на примере широко читаемых критических книг, написанных физиками Ли Смолиным и Ричардом Войтом¹⁷. Вероятно, наиболее частое обвинение, выдвигаемое скептиками в адрес теории струн, состоит в том, что она не может быть экспериментально проверена и поэтому считается не более чем математическим упражнением, не имеющим прямого отношения к физике. Другая проблема заключается в том, что математически возможны тысячи различных струнных теорий. Это значит, что не существует довода в пользу выбора какой-то одной из них, кроме как на том шатком основании, что мы должны, видимо, выбрать ту, что соответствует известной нам структуре Вселенной: ведь иначе мы бы ее сегодня здесь не обсуждали. Эта линия рассуждений известна как «антропный принцип», на который одни ученые взирают с презрением, а другие считают его ключевым интеллектуальным инструментом. Наконец, Смолин особенно встревожен практически полной монополией теории струн в ведущих физических аспирантурах, а это означает, по его мнению, что профессия сложила все яйца в одну, не обоснованную никакими экспериментами, корзину.

Почему наука не может создать теорию всего

Давайте, однако, оставим в стороне все эти возражения и предположим, что теория струн каким-то образом сможет их преодолеть. Представьте себе, что в конце концов появляются веские доводы предпочесть один вариант теории струн другим и кто-то даже выдумывает блестящую экспериментальную схему, подтверждающую истинность теории. В этом случае наша вымышленная ученая Брауни не только могла бы с полным основанием назвать теорию струн «наилучшим вариантом», поскольку последняя была бы теперь чем-то большим, чем просто еще одним решением среди прочих. Теория струн стала бы наукой из учебников, повсеместно изучаемой студентами в качестве главного факта нашего мира, как, например, Эйнштейнова

¹⁷ Lee Smolin. *The Trouble with Physics*; Рус. пер.: Смолин Л. Неприятности с физикой. Richard Woit. *Not Even Wrong*.

теория гравитации или периодическая таблица химических элементов. Я утверждаю, что даже при таком оптимальном сценарии максимального научного триумфа теория струн все равно не была бы «теорией всего». Чтобы понять причину этого, давайте рассмотрим то, что я считаю четырьмя ложными предположениями, лежащими в основе утверждения Брауни о том, что область применимости теории струн безгранична.

Первое Ложное Предположение: *всё существующее должно быть материальным*. Успешная теория струн могла бы свести воедино все, что мы знаем о строении и поведении физической материи. Но это делает ее «теорией всего» только при условии, что все является материальным. Конечно, многие так не считают. Религия в Европе сейчас гораздо слабее, чем раньше, хотя она по-прежнему весьма влиятельна в Соединенных Штатах и еще очень сильна в некоторых других частях света. Среди приверженцев всех религий вера в нематериальных богов и души носит почти повсеместный характер. Множество других людей по всему миру, в том числе и определенное число нерелигиозных, все еще верит в существование призраков и духов.

К примеру, в большинстве старинных городов западного мира одним из столпов туристической индустрии является предложение «туров с призраками», состоящих из посещения мест неотомщеных убийств и пыток, где посетителям рассказывают истории о случившихся в этих местах ужасающих происшествий, чья предполагаемая причина кажется сверхъестественной. Почти в каждой стране целый ряд зданий имеет репутацию домов с привидениями. В Америке сразу вспоминается отель «Скирвин Хилтон» в Оклахома-Сити. Многие игроки Национальной баскетбольной ассоциации сообщали о проведенных там незабываемых ночах ужаса¹⁸. В более утонченных кругах мы обнаруживаем юнгианскую психологию, утверждающую существование бессознательных нематериальных архетипов, общих всем человеческим существам¹⁹. Согласно гипотезе, наша типичная физик Брауни должна будет отбросить все подобные идеи как ненаучный хлам. «Теория всего», будет утверждать Брауни, означает не теорию всей той чуши, которую доверчивые люди *считают* реальной, а только теорию того, что рациональные и научно мыслящие люди знают в качестве реального: физической материальной вселенной. Те, кто верит в религии, призраков или архетипы Юнга, теперь просто отвергнут Брауни как ограниченную и недалекую или даже как обреченную на попадание в ад грешницу, и на фоне этих взаимных обвинений обеим сторонам больше нечего будет обсуждать. Так часто происходит в интеллектуальной жизни, и, возможно, это не всегда плохо, когда люди стремятся собраться в схожие по своему мировоззрению группы, где могут свободно выражать свои взгляды, находясь среди союзников, а не отбиваясь от толп противников. Несмотря на то, что меня, например, юнгианская психология не особо убеждает, время от времени я читаю Юнга и нахожу, что он помогает работе моего воображения. И, разумеется, мне бы не хотелось жить в мире, где юнгианские общества были бы ликвидированы «Полицией Рациональности» или же деморализованы публичными насмешками. Опираясь на свой опыт, могу сказать, что определенный процент философов, похоже, выбрал свою карьеру прежде всего потому, что им нравится приносить на заклание чужие иррациональные фантазии. Но мне никогда не нравилось тратить свое время на таких философов; и я никогда не был таким же, как и они, самоуверенно уверенным в том, какие взгляды на нашу Вселенную являются «рациональными».

Но давайте предположим, что мы согласились со скептицизмом Брайана Брауни и присоединились к ней в ее неверии во всевозможных богов, души, призраков, духов, бессознательные архетипы и прочие, вероятно существующие, нематериальные сущности. Даже если бы нам пришлось дойти по этому пути вместе с Брауни до конца и даже если предположить, что тео-

¹⁸ John Branch. Fright Nights in the NBA.

¹⁹ Carl Gustav Jung. The Archetypes and the Collective Unconscious. Рус. пер.: Юнг К. Г. Архетипы и коллективное бессознательное. М.: АСТ, 2019.

рия струн подтверждена самыми убедительными доказательствами, я все равно не соглашусь с ней в том, что эта достойная теория может считаться «теорией всего». Просто потому, что мы можем думать о множестве нематериальных, но почти наверняка реальных вещей. В 2016 году я опубликовал книгу под названием «Имматериализм», чья вторая часть была посвящена истории Голландской Ост-Индской компании (или VOC, если использовать общепринятую голландскую аббревиатуру). Хотя и можно предположить, что данная компания была реальным физическим объектом, такую точку зрения будет трудно защитить от вопросов, не прибегая к ряду уступок, наносящих ущерб материалистической точке зрения. Для начала заметим, что материальные объекты всегда существуют где-то, но в случае с VOC совершенно не ясно, где именно могло бы находиться это место ее существования. Это определенно не штаб-квартира в Амстердаме, так как большинство операций компании происходило в Юго-Восточной Азии; ею руководил независимый и проживающий за границей генерал-губернатор, уполномоченный принимать решения без консультаций с акционерами в Нидерландах. Невозможно обнаружить фактическое местоположение VOC и в ее азиатской столице, Джаякарте, или Батавии (сегодняшняя Джакарта в Индонезии). В любой момент времени там можно было найти лишь небольшую группу кораблей и сотрудников компании, и, по идее, правила VOC действовали одинаково в каждой точке ее территории. Должно быть по меньшей мере понятно, что Голландская Ост-Индская компания не была материальной вещью, существовавшей в определенном или полуопределенном месте, подобно кварку, электрону или тонкой вибрирующей струне. Кроме того, VOC функционировала с 1602 по 1795 год, и ни один человек (и, возможно, ни одно судно) не просуществовали в течение всего этого периода, оставаясь ее неотъемлемыми элементами. По этой причине мы могли бы сказать, что VOC была не куском материи, сколь угодно сложного вида, но скорее *формой*, просуществовавшей так или иначе сто девяносто три года, несмотря на ее постоянно менявшиеся материальные составляющие. Есть старый философский парадокс, известный под названием «Корабль Тесея», он ставит ту же проблему: остается ли корабль тем же самым даже тогда, когда мы, постепенно либо внезапно, заменим каждую из его досок новой – особенно если мы тут же рядом соберем из старых досок судно – конкурент этого нового корабля. Достаточно будет подчеркнуть, не углубляясь далее в этот парадокс и его примечательную историю, то, что я считаю главным уроком, вынесенным из изучения случая VOC: несводимость больших объектов к общей сумме их материальных составляющих. Голландская Ост-Индская компания была не просто набором атомов и струн в разных местах пространства-времени, но во многом смогла пережить движение и исчезновение этих мельчайших элементов, используя при этом другие.

Второе Ложное Предположение: *всё существующее должно быть примитивным и простым*. Прочитав предыдущие параграфы, Брауни ответит, что мы ничего не поняли. Хотя это, наверное, и правда, что VOC или корабль Тесея могут продолжать свое существование, несмотря на полное обновление их составляющих, они, безусловно, не смогут существовать без каких-либо материальных частей вообще. Если бы в течение многих лет VOC только теряла атомы, никогда ничего не приобретая взамен, она в конце концов пришла бы в ту точку, где все ее разнообразные корабли, грузы и служащие обращаются в пыль и компания прекращает свое существование. Брауни скажет, что она никогда не имела в виду, что не может быть объектов более высокого порядка, которые, *по видимости*, продолжают существовать, несмотря на массовую сменяемость их материальных компонентов. Однако подобные объекты всегда должны быть сделаны из *некоторой* физической материи, даже если относительно неважно, какой из атомов водорода окажется в мозгу у генерал-губернатора компании. Помимо этого, Брауни будет продолжать утверждать, что мы можем лишь в общих чертах говорить о «той же самой» Голландской Ост-Индской компании, что просуществовала на протяжении почти двух столетий. За этот период в компании произошло столько изменений, что будет довольно неосмотрительно думать, будто она осталась прежней, даже если подобная неосмотрительность

допустима для историков или обычных носителей английского языка, которым недостает более строгой точности, присущей ученым, занимающимся естественными науками. Вероятно, мы сможем расплывчато сослаться на «те же самые» флаги, правила и лозунги, существовавшие в течение всего времени жизни компании, наивно притворяясь, что такие порты, как Батавия, Бантен и Малакка, были «теми же самыми» и в 1750, и в 1650 году. Но в конечном счете – будет продолжать Брауни – единственное, что остается неизменным, – это те мельчайшие, долговечные, конечные вещи, у которых больше нет какой-либо внутренней структуры: таковы, например, струны из одноименной теории.

Здесь, однако, Брауни впадает в заблуждение, названное философом Сэмом Коулманом «меньшизмом» (smallism), как если бы единственными реальными элементами любой ситуации были ее мельчайшие компоненты, на которые можно разложить все на свете²⁰. Нам кажется, что окружающие нас объекты средних и больших размеров (от чашек, столов и цветов до небоскребов и слонов) обладают своими собственными независимыми особенностями. Однако, по словам Брауни, эти более крупные объекты в конечном счете получают все свои свойства от своих компонентов; ведь без них большие объекты никогда бы не существовали. Этот аргумент упускает из виду явление, известное под именем *эмерджентности*. Оно возникает тогда, когда при соединении вместе более мелких объектов в один новый у этого последнего появляются невиданные ранее свойства²¹. В жизни человека это можно наблюдать повсюду. К примеру, мы с моим другом по учебе в старших классах как-то одним летом заметили, что девушки часто гуляют втроем, а парни – почти всегда в одиночку либо парами. Довольно долго мы с удивлением задавались вопросом о природе данного явления, пока мой друг довольно туманным образом не уловил его смысла, заметив, что «три парня – это уже банда». Думаю, он имел в виду следующее: возникает некая смутная угроза, когда трое молодых мужчин собираются вместе, и поэтому данная практика некоторым образом не поощряется в нормальных ситуациях, не создающих благоприятных условий для угрозы. Если это наблюдение верно, то в этом случае трое собравшихся вместе парней обладают смутным эмерджентным свойством «похожей на банду угрозы обществу», которое не обнаруживается ни у двух парней, ни у трех девушек. Четыре с половиной миллиона человек вместе составляют сегодняшнюю Анкару, город в Турции, но очевидно, что Анкара – это не только 4,5 миллиона индивидов, собранных в массу. Для начала городу также требуется ряд неодушевленных объектов: город исчез бы, если бы 4,5 миллиона жителей Анкары просто стояли бы вместе голыми в поле. Кроме того, Анкара обладает эмерджентными структурами, принадлежащими городу как целому, а не его частям: браками, семьями, клубами, профессиями и политическими партиями, не говоря уже о турецких сленговых словечках, используемых в различных возрастных группах.

То же самое можно сказать и о науке, что особенно легко увидеть на примере такой области, как органическая химия: все органические соединения содержат углерод, однако существуют миллионы органических соединений, каждое из которых обладает своими уникальными свойствами. Иногда защитники эмерджентности искушают судьбу и выдвигают избыточные дополнительные притязания, утверждая, например, что свойства органических соединений «невозможно было предсказать», исходя из свойств углерода. Однако квантовая химия позволяет нам предсказывать свойства более крупных молекул до того, как они были фактически созданы. И дело тут не в предсказуемости, ведь даже если бы мы могли предсказывать свойства всех более крупных соединений, опираясь на их элементарные материальные составляющие, то эта способность никак не изменила бы того факта, что более крупное соединение действительно *содержит* эмерджентные свойства, не обнаруживаемые в его компонен-

²⁰ Sam Coleman. Mind Under Matter.

²¹ Manuel DeLanda. Emergence, Causality and Realism.

тах. Точно так же это очевидно и в человеческой жизни. Вообразите себе пару, готовую пожениться, при том что все их друзья заранее отчетливо понимают, что последствия этого брака будут разрушительны. Теперь давайте представим, что друзья пары абсолютно правы: брак не только рушится, но и происходит это именно таким образом и точно в те запланированные сроки, что были ими предсказаны. Однако обратите внимание, что предсказуемость неудачи в браке не означает, что он представляет собой не более чем сумму из двух ранее существовавших лиц, вступивших в него. Иными словами, эмерджентная реальность объекта (например, супружеской пары), составленного из нескольких частей, не зависит от предсказуемости или непредсказуемости того, что с ним в конечном итоге произойдет. То же самое было бы справедливо, если бы друзья были совершенно неправы и брак привел бы к вечной и блаженной гармонии: суть в том, что его *существование* как эмерджентного объекта в дополнение к двум отдельным партнерам не имеет никакого отношения к тому, можно ли предвидеть его успех или провал.

Еще один предрассудок отчасти затрагивает историю философии. Он гласит, что только то, что *естественно*, существует по-настоящему. Особенно наглядно данная доктрина присутствует в философии немецкого эрудита Г. В. Лейбница (1646–1716). Лейбниц проводит четкое различие между тем, что он называет субстанциями, и тем, что он называет агрегатами. Субстанции – это простые духоподобные сущности (известные под именем «монад»), все они были созданы Богом в начале времен²². Агрегаты же, напротив, представляют собой соединения вроде машин, хороводов из держащихся за руки мужчин или склеенных попарно бриллиантов. Для Лейбница такие агрегаты – просто смехотворная замена настоящих субстанций, существующих исключительно в силу своей природы, а не чьей-то выдумки. ООО отвергает эту точку зрения, поскольку машины, подобные Голландской Ост-Индской компании (еще один предмет насмешек Лейбница), могут также считаться цельными объектами не хуже атомов или мельчайших вибрирующих струн. Короче говоря, естественность в качестве критерия объектности ничем не лучше малости или простоты. Что же до подлинных критериев того, что можно считать объектом, то их мы обсудим в конце этой главы.

Третье Ложное Предположение: *все существующее должно быть реальным*. Один из величайших вымышленных литературных героев всех времен – это, конечно же, детектив Шерлок Холмс, персонаж рассказов сэра Артура Конан Дойла. Когда Конан Дойл писал эти истории, он пытался поселить своего детектива по несуществующему адресу в доме 221b на реальной лондонской улице Бейкер-стрит. Но затем эта настоящая Бейкер-стрит, оживленная лондонская улица, была продлена до двухсотых номеров, в результате чего вымышленная квартира Холмса и доктора Ватсона оказалась в перечне реальных городских адресов. И действительно, получилось так, что сначала одно реально существующее здание, а затем и другое стали претендовать на роль «подлинного» местонахождения квартиры Холмса и Ватсона. Говорят, что некоторые поклонники Шерлока Холмса, посещающие нынешний адрес, где теперь находятся музей и сувенирный магазин, продолжают, несмотря ни на что, верить, что детектив был настоящей исторической личностью. Пересказ этой истории обычно вызывает бессердечные

²² G. W. Leibniz. The Principles of Philosophy, or, the Monadology. Рус. пер.: Лейбниц Г. Монадология. Главный парадокс понятия монады у Лейбница заключается в том, что, с одной стороны, она считается полностью автономной и «вовсе не имеет окон», как цветисто выразился сам Лейбниц. Монада не может коммуницировать с чем-либо другим напрямую, но только в той мере, в какой такую коммуникацию позволяет сам Бог. Однако, с другой стороны, Богом испокон веков предусмотрено, чтобы каждая монада была полностью *насыщена* отношениями с другими монадами. В одном из самых известных своих примеров Лейбниц говорит, что окончательное объявление Юлием Цезарем войны Римской республике, завершившееся его переходом вместе со своей армией через Рубикон, не было контингентным результатом свободного решения Цезаря. Напротив, это решение содержалось в монаде Цезаря с момента ее создания в начале Вселенной, за миллиарды лет до того, как эта монада родилась в виде человеческого младенца из тела его матери. Это, несомненно, делает проблематичным адекватное лейбницианское объяснение свободной воли, и я, будучи сам большим поклонником Лейбница, никогда не видел у него в этом пункте желания предложить нечто большее, чем всего лишь противоречие, полное нюансов.

насмешки в адрес этих наивных туристов. Тем не менее в их невежестве присутствует чарующая доля истины, а именно тот факт, что детектив является персонажем настолько любимым и запоминающимся, что его легко вообразить удобно расположившимся в своем доме на Бейкер-стрит, а также нарисовать в ситуациях, которые в произведениях Конан Дойла на самом деле не встречались. Подобным образом, например, обстоят дела в современном телесериале, где Холмс в исполнении Бенедикта Камбербэтча занимается расследованиями в сегодняшнем Лондоне. Это подводит нас к третьему возражению против амбиций теории струн. А именно: успешная теория струн ничего не смогла бы поведать нам о Шерлоке Холмсе, и одного этого уже достаточно, чтобы дисквалифицировать ее в качестве «теории всего». Ибо Холмс есть вымышленный персонаж и потому никогда не состоял ни из струн, ни из какого-либо еще физического материала.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.